

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIII

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
(История, этнография, культура)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

В. М. Штейн

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ В РАЗВИТИИ КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ¹

В первом выпуске настоящей работы освещена лишь предыстория связей, возникших между Индией и Китаем и существовавших на протяжении длинного ряда веков. Реальных признаков сближения между ними мы не видим даже еще в первые десятилетия нашей эры. Затем, однако, устанавливаются сравнительно тесные отношения. История обеих стран наполнена событиями, свидетельствующими о быстро развивающемся ознакомлении их друг с другом: с особенностями социального строя, хозяйства, быта, техники, идеологии, культуры.

В средневековой истории Индии последовательно выделяются три эпохи, оставившие заметный след в культурном развитии страны. Наиболее ранней из них является период Гуптов. За ним следует период, в котором наиболее яркой фигурой был Харша Вардхана. Далее наступает время Канауджа. Все эти три эпохи хронологически охватывают время с IV по IX в. Летосчисление Гуптов обычно начинают с 320 года н. э. [9, с. 84]. Столицей государства Гуптов была Паталипутра в цветущем районе Ганга. Время Гуптов прославляется в Индии как период большого творческого подъема науки и искусства. Его называют золотым веком индийской культуры и сравнивают с веком Перикла в древней Греции [6, с. 195]. Проф. В. Рубен считает, однако, необходимым предупредить, что достоверно можно говорить о золотом веке Гуптов только применительно к искусству, тогда как о действительных отношениях в общественной жизни, и прежде всего о положении рабочего люда, мы не вправе судить из-за отсутствия исторических сведений [26, с. 224].

Для Китая Индия в век Гуптов должна была обладать двойной притягательной силой. После свержения династии Хань Китай пребывал в состоянии политического распада и, казалось бы, не должен был обнаруживать особой восприимчивости к чужим культурным достижениям. Однако этот упадок был временным — перед величайшим подъемом в хозяйственной и

культурной жизни страны в танский период. Империя Тан была «наиболее могущественной и развитой в экономическом и культурном отношении страной в мире. Она стала центром экономических и культурных связей для азиатских народов, со столицей в Чанъане, поднявшейся до ранга мирового центра (а cosmopolitan city)» [30, с. 113].

Культура Тан не выросла на пустом месте. Ее мощный размах был подготовлен развитием в предшествующем веке. И не последнюю роль сыграло влияние Индии, культурные и торговые связи Китая с этой великой страной. Несмотря на то что во время правления Гуптов в Индии Китай находился в состоянии политической нестабильности, в недрах китайского общества созревали замечательные плоды будущего расцвета. И «культурная прослойка» тогдашнего общества должна была проявлять особенную чувствительность к восприятию основных элементов индийского культурного творчества. В то же время значительная часть образованной верхушки китайского общества попадает под усиленное влияние буддийских идей, что приводит к наводнению страны пришлыми представителями новой духовной культуры.

Здесь необходимо отметить, что буддийская идеология стала проникать в Китай из Кушанского царства, расположенного в Средней Азии, раньше, чем из Индии [5, с. 78]. Ее влияние на Китай особенно усилилось со времени Канишки, одного из наиболее могущественных правителей Кушанского царства [4, с. 672].

Несравненно более мощная волна буддизма хлынула в Китай в III—VII вв. «Китайцы не только сами изучали санскрит и пали, но и приглашали в Китай индийских ученых — сотни индийских ученых и монахов приезжали в Китай или даже селились там. Самыми известными из них были Кумараджива, Гунаварман, Бодхидхарма и Парамартха. Буддизм в интерпретации таких индийских ученых, как Джингупта, Дхинаяша, Джармгупта, Джнянабхадра и Бодхиручи, очень скоро сделался существенным фактором в интеллектуальной и культурной жизни Китая. На китайский язык были переведены многие важные произведения индийской литературы и философии» [6, с. 239].

В китайском буддизме следует различать теорию буддизма, т. е. буддийские идеологические принципы, от практических форм их освоения китайским народом. Не приходится сомневаться в том, что буддийская философская догма коренным образом противоречила основным жизненным началам китайского культурного общества. В книге английского ученого А. Грэма, посвященной двум философам неоконфуцианской школы, братьям Чэн Хао и Чэн И, очень удачно показана полная внутренняя несовместимость буддизма с мировоззрением китайских ученых: «Конфуцианство принимало видимый мир и со-

циальные обязательства жизни в нем. Буддизм же искал индивидуального спасения в отказе от мира» [17, с. 84]. Чэн И отмечал *качественную* перемену, произошедшую во влиянии буддийской культуры на китайскую идеологию. Если на начальном этапе роль буддизма, по его словам, ограничивалась проповедью поклонения его идолам, то в эпоху Сун с помощью буддизма уже пытались подойти к решению таких основных проблем китайской философии, как *дао*, *дэ*, природа и пр. Другими словами, в эпоху Сун буддизм становится философской доктриной, и эта доктрина коренным образом отличается от китайского мировоззрения. Для китайца характерна его приверженность к реальному миру, а буддизм стремится увести его в сферу трансцендентного. «Человек — живое существо, буддисты же говорят не о жизни, а о смерти. После смерти человек превращается в привидение, в духа; для буддистов же высшей реальностью являются именно привидения, а не люди. Их интересует мир не обыденного, а чудесного; они говорят не о принципах, а об иллюзии... Зримое и слышимое, мысль и суждения являются реальной действительностью; буддисты же не рассматривают их как реальность, но говорят о том, чего ухо и глаз не могут воспринять, мысль и суждения не могут достичь», — пишет А. Грэм, цитируя одного из учеников Чэн И [17, с. 84].

Особенно трудно совместить с мировоззрением китайца отказ буддистов от продолжения потомства, от создания семьи. Здесь буддизм вторгается в «святая святых» традиционного китайского общества. И неудивительно, что неоконфуцианство в лице его вождя Чжу Си сочло необходимым открыто выступить против буддийской идеологии.

Чем же в таком случае можно объяснить несомненный успех буддизма в Китае? Очевидно, китайский народ проводил резкую грань между буддийской религиозной философией и ее реализацией в жизни.

Буддизм пришел в Китай вместе с проповедью аскетизма и апологией нищенского существования, но очень скоро в стране была создана мощная буддийская организация, обладающая несметными богатствами (см. подробно [16]).

В рассматриваемый период Китай был буквально перенасыщен буддийскими монастырями, проявляющими большую экономическую активность. По мнению французского сиолога Ж. Жерне, «существует историческая взаимосвязь: распространение буддизма в Китае и развитие коммерческих течений между Дальним Востоком и буддизированными государствами Центральной Азии и Индии². Благочестивая торговля реликвиями и священными текстами велась теми же географическими путями, что и коммерция в узком смысле слова (*commerce mercantile*); и те, кто вводил в Китае новую религию, прибывали из районов, где проявлялся коммерческий гений» [16, с. 162].

Монастыри обычно воздвигались на территории, примыкающей к рынкам, либо поблизости от улиц, где совершался широкий торговый обмен, пишет Ж. Жерне. Тотчас же они обрастали со всех сторон мастерскими ремесленников, обслуживающими потребности религиозного быта. Монастыри становились излюбленным местом прогулок «избранного» общества.

Буддийские монастыри в Китае также являлись ссудными учреждениями, ведущими крупные ростовщические операции³. Ссуды обычно предоставлялись в натуре: зерном, коноплей, соей или хлебом под высокие проценты (50%), взимаемые в момент жатвы. Некоторые монастыри извлекали из ростовщичества больше трети своих доходов, и Ж. Жерне считает необходимым отметить, что эта «сельскохозяйственная цивилизация» была построена на принципах «паразитарной экономики» [16, с. 174—175]. Монастыри служили не только банковскими центрами Китая и Средней Азии, но и почтовыми станциями на пути караванов. «Вся эта организация была глубоко пронизана коммерческим духом и служила отнюдь не благочестивым, а на-копительским целям» [16, с. 180].

Ж. Жерне подробно пишет о богатых буддийских монахах, которые встречались на рынках, ярмарках, в кабаках, практикуя всевозможные виды промыслов [16, с. 195]. Уже с начала V в. появляются в литературе критические оценки нравов, господствующих в сфере буддийского духовенства, причем представителей последнего обвиняют в том, что они занимаются и медициной, и астрологией, и коммерцией, и обработкой земли, накапливая богатства в количествах гораздо больших, чем им нужно для их прожиточного минимума. Ж. Жерне полагает, что именно «богатые монахи несут известную часть ответственности за обширную общественную трансформацию, которая произошла в эпоху Тан» [16, с. 183], что буддийские общины ввели в Китае некоторую форму «современного капитализма» и что «буддийская теория дара была источником возникновения идеи „производительного капитала“» [16, с. 223].

Таким образом, следуя за Ж. Жерне, вполне возможно признать буддийское монашество основным ферментом зарождающихся новых общественных отношений в средние века. По-видимому, это объясняется тем, что сама практика китайского общества кроила жизнь буддийских монастырей в том духе, который наиболее соответствовал хозяйственной структуре общества. В самом деле, исключительные богатства буддийской общины были порождены не особенностями учения Будды, а стремлениями китайских буддистов к максимальному обогащению за счет вольного толкования доктрины. Если в Китае буддизм просуществовал значительно дольше, чем в Индии, сумев превратиться в мощную общественную силу, то это объясняется скорее всего тем, что никто не принуждал китайских буддистов следовать строгим заветам разработанной в Индии догмы.

Даже ростовщическому духу удавалось проникнуть через стены буддийских монастырей. Со своей стороны, правительственные учреждения убеждались в том, что особое покровительство буддийской церкви в сочетании с экономическими льготами неизбежно приводило к накоплению буддийскими монастырями несметных богатств. Тогда, естественно, рождалась идея «выжать» эти сокровища в пользу государства. Во всей этой постановке вопроса нет и намек на принципиальность. Буддийский дух угасал и в буддистах, и в их высоких государственных покровителях. Церковная организация существовала и процветала, но идеи подлинного буддизма исчезли. Вероятно, именно поэтому в Китае буддизм оказался долговечнее, чем в Индии.

В Индии, стране возникновения буддизма, эта религия очень быстро перестала существовать. Еще в VII—VIII вв. просветительский центр буддизма Наланда считался светочем, широко распространяющим идеи буддизма по всему миру. А в IX в. буддизм умирает, и монахи не так строго, как прежде, следуют старым догмам, запрещавшим жизненные наслаждения. Разрешается все: мясо, рыба, вино, женщины. Монахи становятся бременем для общества; число их растет. Их кормит только суеверие. Простой народ почитает их. Для большинства же монахов монашество превратилось в легкий способ существования [7, с. 150].

Во времена династий Тан и Сун в Китае Индия, как государство — субъект международной политики и очаг великой культуры, описана в исторических хрониках благодаря путешествию в Индию китайского паломника Сюань-цзана. Он построил свои «Записки о Западном крае» главным образом на географических характеристиках отдельных районов, в своей второй книге счел необходимым изложить основы государственности, просвещения и быта Индии. «Записки» Сюань-цзана были положены в основу тех разделов династийных историй, которые относились к Индии. Конечно, ученые, составлявшие династийные истории, отнюдь не переписывали Сюань-цзана дословно. Но в их трудах легко обнаружить следы развивавшихся им концепций. С каждым веком содержание рассказов об Индии становится все более богатым и многообразным. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить главу 198 «Старой истории [династии] Тан», главу 221 «Новой истории [династии] Тан» и главу 490 «Истории [династии] Сун». Китайские историки все основательнее интересуются Индией, усиленно работают над текстом Сюань-цзана, начинают вплетать в свое изложение даже его терминологию. Например, название страны: исторические хроники называли Индию государством Тяньчжу; Сюань-цзан же настаивает на названии Иньду, по-видимому в его время еще не получившем широкого распространения, полагая, что это название более удачно потому, что является одним из наименований луны в Китае. Другими словами, Сюань-цзан нахо-

дит, что географические наименования приобретают в глазах населения большую осязаемость, если сочетаются с какими-то реальными образами предметов.

Стараясь продемонстрировать огромные масштабы описываемой им страны, Сюань-цзан писал, что она в окружности достигает примерно 90 тыс. ли и с трех сторон окружена «большим морем» («да хай»), т. е. океаном. Интересно заметить, что именно со времен Сюань-цзана стали определять площадь страны «в окружности».

Китайские монахи и купцы изъездили Индию, что называется, вдоль и поперек, поэтому неудивительно, что в танских и особенно сунских хрониках текст пестрит описанием географических маршрутов. Описание маршрутов начинается с северной Индии (глава 490 «Сун ши»). Все они, как правило, вели на запад и занимали 10—12 дней. До Западного моря, насколько можно судить по описаниям маршрутов, путешественники добирались, минуя Цзибинь и Иран, но через Бенарес, Аллахабад, Мальву, Уджайн⁴ и др. Путешествия в Центральную и Южную Индию описаны в более общей форме. Так, сообщается лишь, что путешественник, отправившийся из Центральной Индии, через шесть месяцев прибудет в Южную Индию, и потребуется еще шесть месяцев пути, чтобы достичь Южного моря. Очевидно, в сунском Китае гораздо лучше знали Северную, чем Центральную и Южную Индию.

Довольно прочные сношения Харши (Шиладитья) с Китаем как бы естественно вытекали из его дружбы с Сюань-цзаном. Вот что пишет по этому поводу современный индийский автор: «Близость Харши с китайским паломником, очевидно, побудила его к установлению дружеских отношений с китайским императором». Мы читаем у историка Ма Дуаньлина, что «в 641 г. Шиладитья принял титул государя Магатхи и направил посла с письмом к императору. Император, в свою очередь, послал Лян Хайцзина в качестве посла с государевым декретом к Шиладитье с приглашением подчиниться [авторитету китайского императора]. Шиладитья преисполнился удивления и спросил своих приближенных, прибывало ли когда-нибудь с незапамятных времен китайское посольство в его сторону. „Никогда“, — ответили они в один голос. После этого государь вышел, на коленах принял императорский декрет и возложил его на свою голову» [12, с. 272—273]. В этом сообщении ценно указание на то, что официальные отношения между Китаем и Индией впервые были установлены при Харше и, согласно китайской традиции, приобрели форму подношения дани. По-видимому, китайские посольства бывали в Индии и до Харши, но только после него их приезд приобретает характер установившейся традиции. Что же касается столь удивившего Харшу предложения «подчиниться», то в письме китайского государя речь шла, конечно, об установлении постоянных дипломатических и торговых отно-

шений в единственно приемлемой для китайского правительства форме «подношения дани». Харше, вероятно, разъяснили, что китайский государь отнюдь не покушается на его политический авторитет и что после принятия им мнимого «подчинения» все в его стране останется по-старому, тогда тот счел за благо согласиться.

Итак, мы видим, что первый, наиболее ранний этап индийско-китайских отношений — это преимущественно период Гуптов и Харши в Индии. Он постепенно перерастает во второй этап, когда буддистские связи отступают на задний план перед торговлей. Новый этап приобретает определенные очертания в V—VI вв. н. э., когда Кантон становится важнейшим центром торговли в Китае и там возникает поселение иностранных купцов (в основном арабов и персов), которому китайское государство дарует права самоуправляющейся колонии. Во главе ее обычно стоял мусульманин. Индийцев, насколько можно судить по сохранившимся материалам, в кантонском поселении не было. Но персы и арабы вели оживленную торговлю и индийскими товарами. Более того, наладившиеся в IV—V вв. морские регулярные связи между Китаем и Индией способствовали тому, что иностранные купцы начали курсировать между обеими странами в коммерческих целях.

Наиболее активный и плодотворный период китайско-индийских связей заканчивается в конце VIII в. Последнее столетие правления династии Тан (IX в.) ознаменовалось большими беспорядками в стране. Кроме того, в Среднюю Азию вторглись арабы. Для Китая настали грозные дни. Политические и культурные отношения между Китаем и Индией были прерваны. Однако в первый век правления династии Сун старые традиции вновь ожили и связи возобновились. По данным китайских исторических хроник, никогда еще Китай не посещало такое огромное количество буддийских монахов из Индии, как в конце X и начале XI столетия. В Китай приезжало также множество посольств из индийских княжеств. Они привозили с собой всевозможные дары, получая ответные подарки. Особенно следует отметить три посольства к китайскому двору от индийского княжества Чола: в 1015, 1033 и 1077 гг. Среди привезенных даров особенно ценились жемчуг, слоновые бивни, ладан.

В этот период Индия участвовала в торговле с Китаем, по-видимому, только как пассивная сторона. В династийной истории Сун при перечислении стран, представители которых находились в 971 г. в Гуанчжоу с торговыми целями, индийцы не упоминаются. В работе Чжоу Гуфэя (1178 г.) говорится о Килоне как важном торговом центре, но сама Индия не была включена в число стран, ведущих торговлю с Китаем. Можно предположить, что арабы постепенно стали вытеснять индийцев из торговли с Китаем. Однако то, что в Танжурском округе было найдено 15 китайских монет, по годам их отливки относящихся

почти ко всему сунскому периоду, говорит о том, что при Сунах торговля с Индией продолжалась, как и при Танах [21, т. 4, с. 443—445].

Индийский автор Апподорай дает нам развернутую картину торговых сношений южного Китая с Индией начиная с X в. По его словам, оживлению торговли между двумя странами способствовало то, что китайский государь направлял одну за другой специальные экспедиции в Индию с познавательными целями. Например, экспедиция 1285 г. имела целью разведать в Индии «редкие и драгоценные вещи»; экспедиция 1287 г. привезла на родину ценные медикаменты и представила двору красное сандаловое дерево и строительные материалы, приобретенные в Индии на частные средства участниками экспедиции [21, т. 2, с. 539—540].

Хотя торговля между Индией и Китаем велась во многих портах, для нее было характерно, что в тот или иной период «главенствовал» какой-нибудь один порт. В дальнейшем изложении делается попытка показать историческую смену этих важнейших центров торговли.

В XI—XII вв. было отмечено единоборство двух портов: Каликута и Килона. Оба порта расположены на западном побережье Индостана (Малабарское побережье), но Каликут находился значительно севернее Килона. Во внешнем обороте Индии Каликут играл более важную роль, что неоднократно отмечалось ранними европейскими путешественниками по Индии, в том числе Афанасием Никитиным (1470 г.). Апподорай отчетливо выявляет суть борьбы между двумя портами. По его словам, «возвышение и падение Каликута... тесно связаны с судьбами отдельных коммерческих общин... В XI и XII вв. Каликут и Килон соперничали за преобладающее положение на Западном побережье. Первый был центром торговли с мусульманами, второй — с китайцами (торговля с последними играла большую роль и в Каликуте» [21, т. 2, с. 600]. Впоследствии китайцы сохранили свои позиции в одном лишь Килоне, ведя оттуда торговлю с Востоком (в первую очередь с Бенгалией и Молуккскими островами), тогда как торговля с Западной Аравией, Египтом и Венецией оставалась в руках Каликута. «Однако в ходе борьбы с мусульманами китайцы были оттеснены на второй план. Успех мусульман привел к процветанию Каликута» [21, т. 2, с. 590]. Нельзя в данной связи не отметить сообщение К. М. Паниккара о том, что «небольшая китайская колония существовала вблизи Килона на протяжении ряда веков» [24, с. 64].

Второй этап в развитии индийско-китайских отношений можно назвать периодом непосредственных торговых связей. Наиболее яркое выражение он получил в «век Канауджа»⁵. Этот этап индийской истории до последнего времени оставался не изученным. Только в большом коллективном труде «История

и культура индийского народа» специальный том посвящен «веку имперского Канауджа». Канаудж, или Канакубджа, находился в самом центре Индии. Первым великим завоевателем был Раштракута Дандидурга. «Сын Индры I и чалукийской принцессы из Гуджерата, он начал свою наполеоновскую карьеру в 733 г. н. э., сделался господином всей Махараштры в 753 г. и, разрушив империю Чалукиев, приобрел положение властителя империи» [21, т. 4, с. IX]. По своим размерам империя Канаудж превосходила государства Гуптов и Харши. В 815—940 гг., при Пратихарах, Канаудж достиг зенита своего могущества, сопровождавшегося расцветом науки и культуры [21, т. 4, с. X].

Необходимо отметить, что с рассматриваемого времени и в Китае и в Индии центры культуры начали перемещаться к югу. Причиной этого стали кочевники, как враждебная и разрушительная для высокой оседлой культуры сила. Неугомонное кочующее население степей и пустынь Азии время от времени теснило земледельческие цивилизации. Прямая вооруженная борьба с кочевниками часто оказывалась бесполезной. Спасаясь от их натиска, оседлое население передвигалось на юго-восток (основные пустыни находятся в центре Азиатского материка), приводя к возникновению новых центров. В Индии появление очередной волны кочевников привело к расцвету южных районов страны с центром в Виджаянагаре; в Китае — района нижнего течения р. Янцзы. Этот процесс стал наблюдаться примерно в X—XIII вв., при Южной Сун, а особенной силы достиг в XVI—XVII вв., когда в Китае власть захватили пришедшие с северо-востока маньчжуры; в Индию с севера вторглись «Великие Моголы».

Таким образом, наличие пустынь на территории Азии порождало явление, имевшее огромное значение для всей истории Азии: неизбежный симбиоз кочевых народов с оседлыми. Пустыня была естественной средой, поощрявшей развитие кочевого хозяйства. Отсюда — неизбежность постоянных конфликтов оседлых народов с кочевниками. По словам Г. Ф. Александрова, «у всех восточных племен можно проследить, как это отмечает Маркс, общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой» [2, с. 66].

Какими могли быть, однако, последствия этого симбиоза оседлых племен с кочевниками? Во-первых, несомненно, что кочевники обычно отставали от своих оседлых соседей по уровню социально-экономического развития. У кочевников очень долго господствуют традиции военно-демократического строя на базе бесклассового племенного союза. Однако постепенно у них возникало классовое общество, и «первобытная, естественно выросшая демократия превратилась в ненавистную аристократию» [1, с. 168]. Переход к классовому обществу сопровождался вступлением на путь открытого и широкого грабежа своих оседлых

соседей. При этом кочевники не только грабили предметы материальной культуры, но и усиленно впитывали духовную культуру оседлого населения.

Нельзя сказать, что у кочевников нет духовных ценностей, самостоятельно выработавшихся в их среде. Однако их культура — культура более низкого уровня, и в своем развитии она сравнительно быстро «упирается в потолок». Так, говоря об археологических раскопках в районе Памира и Тяньшаня, А. Н. Бернштам приходит к выводу, что «культура кочевого общества рубежа нашей эры достигла уже высшей точки своего возможного развития» [8, с. 288]. Культура же оседлых народов продолжала усиленно развиваться, так что разрыв между культурами оседлых и кочевых народов быстро углублялся.

В «Цянь Хань шу» приводится назидательный рассказ о целесообразности сохранения кочевниками особенностей их быта. Евнух, посланный китайским двором к гуннам для сопровождения принцессы, в отместку за то, что ему пришлось отказаться от привычных условий жизни, дал гуннам совет, как они могут устоять против китайских влияний: только в том случае, если не будут подражать китайскому образу жизни. Гунны должны отказаться от китайских товаров. «Население гуннов, вместе взятых, по численности не может сравниться с населением какого-нибудь единственного округа Ханьской империи. Однако они могущественнее потому, что их одежда и пища иные и они не нуждаются ни в чем китайском. Если шаньюй (титул верховного вождя гуннов.— В. Ш.) вздумает переменить народные обычаи и начнет приобретать что-либо у ханьцев, то приобретение даже $\frac{2}{10}$ того, в чем нуждаются гунны, будет уже достаточно для того, чтобы всецело поставить их под влияние империи Хань. Пища и одежда гуннов вполне соответствуют их кочевому образу жизни. Они едят мясо своего скота, пьют похлебку, приготовленную из продуктов, получаемых от него, и одеваются в шкуры. Так как скот питается травами и водой, гунны ведут кочевой образ жизни. Поэтому все они являются отличными наездниками и стрелками. Если бы они стали одеваться в шелка, то изодрали бы в клочья свою одежду, пробираясь сквозь кустарники и чащи. Китайцы же вынуждены заниматься земледелием и разведением шелковичных червей, чтобы питаться и одеваться. Для обороны они должны строить стены и города» [19, с. 80—82]. В этом отрывке превосходно оттенены особенности обеих культур и причины культурного превосходства и в то же время военной слабости народов оседлого земледелия на известной ступени их развития по сравнению с кочевниками.

Однако это коренное различие в образе жизни, естественно, должно было привести к тому, что, захватывая чужие территории, кочевники стремились изменить способ хозяйственного их использования в соответствии с требованиями скотоводства,

и это вызывало деградацию производительных сил в экономике оседлых народов.

Длительная оседлая жизнь, сочетавшаяся с материальным благосостоянием и высоким уровнем культуры, становилась приманкой для кочевников, так как грабеж сулил богатую добычу. Вместе с тем привычка к роскоши, к изнеженному образу жизни ослабляла возмужность сопротивления оседлого населения. Кочевники захватывают все большие территории. Примерно с X—XII вв. начинают захватываться целые государства, как это было, например, с монголами, а позднее с маньчжурами.

Основными районами территориальной агрессии кочевников против Китая были земли, расположенные по северо-западной и северо-восточной границе государства. Более всего подвергались ударам территории, занимаемые ныне провинциями Хэнань, Шэньси и Шаньси. Среди вторгавшихся кочевых народов наибольшее значение имели сюнну (хунну, пунны), жуаньжуани, сяньби, тоба, кидане, чжурчжэни, монголы, тибетцы, маньчжуры. Реакцией на эти вторжения было возникновение постоянной внутренней миграции в Китае в юго-восточном направлении. Эта миграция мало чем отличалась от обычного движения населения в других странах. Направлялась она преимущественно в сравнительно малозаселенный район к югу от р. Янцзы. Мигрировала наиболее активная и жизнеспособная часть жителей страны, располагающая средствами, чтобы обосноваться на новом месте, преимущественно молодежь. Переселение этих групп приводило к возникновению новых культурных очагов. Если первоначально основным гнездом китайской культуры был северо-восток страны, то постепенно он начинает уступать юго-востоку. Северо-восточная культура Китая возникла очень рано. Э. Эркес говорит об особом культурном круге древней северо-восточной культуры, которую иногда характеризуют как прототунгусскую, но которая в действительности охватывала далеко не одну (тунгусскую) народность. Центром этой культуры было государство Ци на Шаньдунском полуострове [15, с. 158]. Вторгавшиеся в Китай кочевники прекрасно сознавали превосходство северо-востока страны над другими ее районами и поэтому всегда стремились укрепить свою власть именно на этой территории. Хубилай, которого Э. Эркес называет самым крупным властителем мировой державы монголов, настолько высоко оценивал значение северо-востока, что перенес свою столицу из Каракорума (в северо-западной части Монголии) в Пекин [15, с. 174]. Войны с киданями и чжурчжэнями велись также из-за северо-восточных территорий. Нажим со стороны кочевников заставил императорский двор в начале XII в. переехать на юг, перенести столицу в современный Нанкин, а затем — в Ханчжоу, который становится крупным экономическим и культурным центром. Трудно переоценить историческую роль этого перемещения; оно означало «приобретение китайским государством

морской ориентации». Китайцы приспосабливаются к более теплomu климату; в их рацион окончательно входит рис. На юге возникают новые культурные центры. «Южный Китай располагал множеством талантов в области науки и искусства, тогда как на долю Севера приходилось лишь сравнительно скромное участие в культурных достижениях» [14, с. 119].

Положение Индии в отношении кочевников было несколько иным, чем у Китая: Китаю пришлось соорудить на севере Великую китайскую стену, тогда как Индию ограждали Гималаи, преграждавшие путь любому агрессору. Для вторжения кочевников оставалось лишь узкое пространство, которое получило наименование северо-западных ворот в Индию. Кочевники двигались в Индию главным образом со стороны Средней Азии, частично со стороны арабского Переднего Востока. Кочевыми ордами, вписавшими свое имя в историю Индии, были саки (юэчжи), арабы и моголы. Юэчжи проникли в долину р. Инд во II в. до н. э., привлеченные тем, что здесь они нашли географический ландшафт, напоминающий среднеазиатские степи, откуда юэчжи были вытеснены. «Меч ислама» впервые начинает тревожить индийский мир с VII в., когда мусульмане вторгаются в Синд. Но индийскому народу удалось отразить арабские завоевания. Дальнейшее продвижение кочевников было остановлено силами индийских княжеств, расположенных по границе с Синдом.

Результатом же арабского вторжения в Синд было создание на развалинах индийского г. Брахманабада богатой и мощной мусульманской столицы Синда — г. Мансура в 43 милях к северо-востоку от современного г. Хайдерабада [21, т. 4, с. 126]. Однако арабы недолго правили Синдом. Гораздо более длительной была власть скифов (выходцев из Центральной Азии) в Пенджабе, продолжавшаяся более тысячи лет (примерно с 600 г. н. э.) [29, с. 86]. В дальнейшем кочевники стали нападать на Дели, нынешнюю столицу Индии, и при тюркской династии Туглаков (1321—1398) «почти вся Индия подпадает под власть мухаммедан» [29, с. 101]. «За исключением пограничной провинции Синд, волна арабских завоеваний не коснулась Индии. Установление в стране власти мусульман было делом тюрков, этот процесс был начат тюркскими правителями Газны в Афганистане. Княжество Газна было основано в 963 году Алптегином» [9, с. 140]. Мусульманское влияние в Индии оказалось очень существенным. «С 1200 по 1580 г. мусульманское государство и общество сохраняли военный и кочевой характер. Правящий слой жил как бы жизнью военного лагеря. В самом деле, „мусульманские поселенцы жили в стране, но не были ее народом“. Они всегда сохраняли свою обособленность» [6, с. 317].

Наиболее решительное вторжение тюрков из Средней Азии в северную Индию связано с именем Бабур. Бабур, основатель

империи Моголов в Индии (1526 г.), был чагатайским тюрком, потомком Тимура по прямой мужской линии; по материнской линии он мог претендовать на происхождение от Чингисхана. Его отец, Умар Шейх Мирза, правил Ферганой [9, с. 211].

Результат вторжений был такой же, как в Китае: когда лавина кочевников, «освоив» северо-западные ворота в Индию, стала особенно энергично заполнять пространства в северной части страны, началось перемещение коренного индийского населения к югу, и на юге Индостанского полуострова возникло могущественное государство Виджаянагар, ныне почти забытое. Именно благодаря усилиям Виджаянагара индуизм и индийская культура не были уничтожены, как это произошло в долине Ганга.

Здесь мы опять-таки сталкиваемся с полной аналогией в истории Индии и Китая: захват кочевниками важнейших жизненных центров, волна миграции, которая относит массы населения, наиболее подготовленные предыдущим развитием к возрождению материальной и духовной жизни, на юг, возникновение новых политических центров.

Не следует, однако, изображать дело так, будто кочевники были всегда только активной разрушительной силой, а оседлые народы — страдающим элементом, безропотно сносившим сыпавшиеся на него удары. Между китайцами и индийцами, с одной стороны, и кочевыми народами — с другой, складывались многообразные отношения, определявшиеся сложной политической игрой. Иногда кочевые орды были открытыми врагами оседлых народов, но иногда вступали с ними в союзы, вели совместные войны, получали от оседлых народов щедрые «дары» товаров. Кроме того, тип кочевого хозяйства не был особенно устойчивым, и в контакт с китайцами и индийцами входили наряду с кочевниками и полуоседлые группы. Кочевое хозяйство находилось в состоянии постоянной эволюции.

Формы взаимоотношений культур кочевых и оседлых народов трудно охватить одной формулой: действительность была в этом отношении слишком многообразной. В большинстве случаев кочевники стремились воспринять китайскую или индийскую культуру. Довольно часто при дворах кочевых правителей строго придерживались требования слепо подражать китайским традициям и всей обрядности Китая. В своем стремлении подражать китайцам некоторые властители доходили до фанатизма. И это неудивительно. Как замечает, например, А. Сопер о правителях династии Тоба, они отнюдь не были, подобно Тамерлану, «собираателями черепов». На основе восприятия китайской культуры скотоводы достигали необыкновенных успехов. «Как хорошо известно, образ жизни Тоба эволюционировал за время не более двух поколений от спартанской примитивности столицы вэйского Дао У-ди к роскоши и утонченности Лояна» [28, с. 52].

Особенно интересно, как кочевники воспринимали образы буддийского индийского искусства и китайского мастерства. Сопер очень ярко показал это на примере художественных произведений IV—V вв.

Мигранты, обосновавшиеся на юге в IV в., после сложного периода политических неурядиц достигли в конце концов известного военного равновесия. Постепенно юг стал преобладать над севером в сфере живописи и скульптуры, так как китайский ремесленник всегда стоял выше своего кочевого собрата. Южане «проникали» в государство Вэй (на севере страны) и с дипломатическими миссиями, и поступая на службу. Конечно, позднее, когда настало время массового приезда индийских буддийских деятелей в Китай для пропаганды своего учения и для переводческой деятельности, положение изменилось. Китайцы перестали получать произведения буддийского искусства в законченных, застывших формах, которые они прежде старались оживить искрами своего таланта. Историческая правда требует признания того, что китайский вклад в буддийское искусство IV—V вв. был немалым.

В Китае IV—VI вв. начинает складываться новое равновесие между культурными силами Севера и Юга. В культурную жизнь страны втягиваются жители приморских провинций. В тот период (IV—VII вв., когда буддийская церковь впервые в Китае приобретает значительное влияние) в его связях с Индией все большее значение приобретает дорога, идущая через Среднюю Азию. Китайские паломники обычно пользовались ею, отправляясь в Индию на поиски буддийского канона (или «закона»), хотя и возвращались обычно морским путем. Перекресток путей, связывавших Среднюю Азию с Китаем и Индией, находился, по-видимому, на Памире⁶.

Возвышение Тибета в VII в. и изгнание китайцев из Центральной Азии надолго прервали сухопутные связи между обоими государствами. С VIII в. между Китаем и Индией устанавливается только морское сообщение⁷. Этому способствовали развитие (благодаря миграции на юг китайского населения северных областей под напором кочевников) южных приморских провинций и строительство новых портов — Ханчжоу и Кантона. В Индии сообщение с Китаем велось через о-в Цейлон и южную часть Малабарского побережья. Здесь необходимо отметить, что расцвет южносунского государства и Виджаянагара относится ко времени, когда период распространения буддизма в Китае закончился и между двумя странами установились лишь торговые отношения.

Необходимо теперь сказать вкратце о том, какие сведения об отдельных индийских районах сообщала китайская литература X—XIII вв., так как знакомство с этим материалом даст нам возможность конкретнее представить себе характер и уровень китайских познаний об Индии в этот период.

Работа «Чжу фань чжи», написанная Чжао Жугуа, отображает, по-видимому, высший расцвет китайско-индийских торговых отношений XII—XIII вв. Правда, в изложении этого автора, который останавливается на внешне-торговых отношениях каждой страны отдельно, доминирующую роль в торговле в Азии играют арабы. Однако много места в работе отведено и Индии. Основная тема работы Чжао Жугуа — описание морской торговли. Поэтому, говоря о товарообороте Индии, территориально он берет для своего описания главным образом Малабарское и Коромандельское побережья, а также о-в Цейлон.

В книге Чжао Жугуа говорится о том, что Индия распадается на множество уделов, объединенных в более крупные государственные образования. Так, в пределах одного только района Индии, который автор именует «Западным небом» (*Ситянь*) и который, по-видимому, охватывает внутреннюю часть Индостана, насчитывается свыше 100 уделов. Во всей Индии их — много десятков.

В «Чжу фань чжи» наряду со сведениями коммерческого характера дается описание природных ресурсов каждого района, быта и т. д. Начинается рассмотрение Индии с государства Наньпи; Хирт и Рокхилл расшифровывают это название как Малабар, подчеркивая, что до «Чжу фань чжи» такого географического термина в китайских источниках не встречалось. Наньпи включает около десятка различных владений, даже такие крупные, как Гуджарат и Мальва, которым в дальнейшем изложении уделяется особое место. Если посмотреть на географическую карту, нетрудно убедиться, что территория этих владений довольно глубоко врзается в земли Индостана, так что понятие Малабарского побережья приобретает расширенное толкование. Хирт и Рокхилл считают, что Наньпи простиралось примерно от Неллора до Камбея, захватывая Цейлон. Наньпи, очевидно, было одним из важнейших контрагентов кантонских купцов в тот исторический период.

Сообщения между Наньпи и Китаем в средние века, по-видимому, были довольно частыми. Начало торговых сношений между ними было положено прибытием в китайскую провинцию Фуцзянь двух купцов из Наньпи, после чего китайские суда стали нередко заходить в Наньпи [22, с. 587—588].

Местные товары, пригодные для сбыта в другие страны, включают жемчуг, хлопчатобумажные изделия всех цветов и другие ткани. В обмен на свои товары наньпийцы получают шелка, фарфор, камфару, ревень, гвоздику, сандаловое и другие редкие породы деревьев.

Отмечается использование в торговле серебряных монет, причем соотношение золота и серебра определяется как один к двенадцати.

В уделе Кулин, который признавал суверенитет Наньпи, среди местных продуктов торговли фигурируют бобы какао и са-

пановое дерево. Для приготовления вина жители Кулина используют смесь меда с бобами какао и соком цветов, которому они «дают бродить».

Гуджарат (Хучала) включает свыше 100 городов. В этом государстве насчитывается около 4 тыс. буддийских храмов с 20 тыс. танцовщиц, которые два раза в день совершают перед изображениями Будды особые церемонии, поднося ему пищу и цветы.

К местным продуктам торговли относятся: индиго, получаемое здесь в больших количествах, красная камедь (вяжущее вещество), миробалан и хлопчатобумажные ткани («все-возможной окраски»), которые посылаются для продажи преимущественно в арабские страны.

Удел Малохуа (по-видимому, Мальва) включает примерно 60 городов. Его отличительная черта — наличие ряда сухопутных дорог, по которым ежегодно отправлялись на внешние рынки свыше 2 тыс. волов, груженных белыми хлопчатобумажными тканями, наиболее традиционным продуктом местного производства.

Китайские путешественники детально изучили Индию, и сочинение Чжао Жугуа — далеко не единственный источник, из которого можно почерпнуть ценные сведения об отдельных районах Индии. В качестве примера подобных описаний стоит упомянуть труд мусульманина Ма Хуаня, сопровождавшего Чжэн Хэ в его путешествиях (начало XV в.). О Цейлоне, например, Ма Хуань пишет: «Государство Цейлон является обширным и густонаселенным. В известной мере оно напоминает Яву. Народ снабжен всем, что необходимо для жизни... У них нет пшеницы, но есть рис, кунжут и горох. Бобы какао, имеющиеся у них в изобилии, снабжают их маслом, вином, сахаром и [другой] едой. Они сжигают своих мертвецов и подвергают захоронению пепел». Отмечается также наличие в обращении золотой монеты.

Ма Хуань признается, что в молодости с большим недоверием относился к рассказам о чудесах в отдаленных от Китая странах. Позднее же, когда сам побывал в тех краях, убедился, что там «еще больше чудесного, чем сообщается в литературе» [25, с. 214].

Сношения Китая с Индией предполагали возможность свободного плавания по морю. Однако большое количество островов в этом районе и возможность укрепления какой-нибудь могущественной державы хотя бы на одном из них таило в себе угрозу для торговых кораблей в том плане, что поставило бы под контроль их передвижение. Так оно и случилось. Наиболее уязвимым участком был Малаккский пролив. В VII—VIII вв. сильная династия Шайлендров, опираясь на свои владения на Суматре, в районе Шривиджайи (нынешний Палембанг), сумела завладеть Малаккским проливом, а затем распространить

свою власть на весь п-ов Малакка [7, с. 134—135]. Владычество Шайлендров продолжалось около семи столетий, т. е. весь период, пока еще китайские корабли заходили в Индию. Однако необходимо отметить существование устойчивых торговых маршрутов между Индией и Китаем и в то время. Об этом говорят, в частности, сообщения тверского купца Афанасия Никитина, который отмечает каждый этап пути от Ормуза до Чина и Мачина (по-видимому, Кантона) с точным указанием его продолжительности. Так он писал: «А от Каликута до Цейлона — 15 дней, а от Цейлона до Шабата иди месяца, а от Шабата до Пегу — 20 дней, а от Пегу до Чина да до Мачина иди месяц. И то все путь морем. А от Чина до Китая иди посуху 6 месяцев, а морем иди 4 дня» [10, с. 80]. Последнее утверждение, на наш взгляд, не очень-то правдоподобно.

Некоторые промежуточные пункты маршрута, например Шабат, остаются неидентифицированными. Но тем не менее от Бирмы (г. Пегу) возможны два пути: либо двигаться в глубь материка, и это было длительное путешествие, либо обогнуть морем Индокитайский полуостров, и это было гораздо короче. Переход по морю заканчивался, по данным А. Никитина, в Чине и Мачине, который, как уже было сказано, скорее всего означал Кантон и о котором А. Никитин сообщает следующее: «А Чинская же да Мачинская — пристани весьма великие, и делают здесь фарфор и продают его на вес и дешево» [10, с. 81]. Тут же он сообщает: «Мачин и Чин от Бидара 4 месяца, иди морем. А добывают там жемчуг высшего качества — и все дешево» [10, с. 82]. Таким образом, в глазах путешественников XV в. Чин и Мачин представляли, в сущности, не две, а одну пристань, где все было дешево и которая славилась производством фарфора и добычей жемчуга высшего качества.

Южная Индия начинает играть «важную роль в индийской истории», по словам индийского историка К. М. Паниккара, со II в. до н. э. [7, с. 93]. Однако усиление ее экономической мощи отмечается гораздо позднее. Сначала наступает период 400-летнего правления Сатаваханов, утвердившихся в Андхре, затем — Какатиев. Блестящий период для Южной Индии начинается только со времени соперничества бахманидов и Виджаянагара. Правители государства были мусульмане. А. Никитин, посетивший Бидар в 1470 г. (в период наибольших успехов бахманидского царства), сообщает: «Во Индейской земли княжать все хоросанци, и бояре все хоросанци» [10, с. 16] (Хоросан — северо-восточный Иран).

Бидар, столица бахманидов, находился в центре Индостанского полуострова. Географическое местоположение Бидара обеспечивало ему все выгоды от торговли на путях из Северной в Южную Индию. Создатель бахманидского государства Ала-ад-дин I Бахман Шах (1347—1358) захватил значительную часть Декана, включая морское побережье с портами Гоа и

Дабул. Однако этого было недостаточно, чтобы гарантировать Ала-ад-дину господство над морской торговлей. «Еще в начале XV в. бахманидские правители поняли, насколько необходимо государству постоянный выход к морю, свои порты на нем, свой торговый и военный флот» [11, с. 157]. Между тем лучшие морские порты находились в руках Виджаянагара (находился юго-западнее Бидара) и конканских раджей. Началось соперничество за власть на морском побережье.

«Основанная в 1339 г. империя Виджаянагар, — пишет современный индийский автор И. Баларамамурти, — просуществовала 300 лет. В течение 200 лет она объединила всю Южную Индию (за исключением Декана). В некотором смысле этот период считается „золотым веком“ в истории Андхры, так как именно тогда получили широкое развитие ремесло, торговля, литература и изящные искусства» [3, с. 134].

Особым подъемом в развитии государства Виджаянагар было отмечено правление Кришнадева Райя (1509—1530). Виджаянагар представлял собой военную державу, оборонявшую значительную часть Индии от нападения мусульман. По словам К. М. Паниккара, «в период господства Виджаянагара Южная Индия достигла своего расцвета, что подтверждают португальские и мусульманские авторы. В стране насчитывалось не менее 300 портов... Фактически значительная часть богатств португальцев была нажита в результате торговли с империей Виджаянагар» [7, с. 195—196]. Персидский посол Абд-ар-Раззак, находившийся в Виджаянагаре с 1442 по 1448 г., отмечал, что «страна столь густо населена и богата, что невозможно в немногих словах дать об этом представление». По его словам, «в целом свете никто не видел и никто не слышал о городе, подобном Виджаянагару» [9, с. 199].

Сношения Китая с Виджаянагаром начались в XIV в. Один из основателей виджаянагарского государства направил в Китай посольство еще в 1374 г. [9, с. 197]. Эдуардо Барбоса, посетивший Виджаянагар, подробно сообщая о товарах, которые ему довелось видеть на рынках этого города, упоминает среди них и китайские шелка.

В нашем распоряжении имеются довольно многочисленные свидетельства китайской торговли с Южной Индией в средние века. Прежде всего, в «Сун ши» дается перечень товаров, ввозившихся в тот период в Китай. Однако, по замечанию Апподорая, китайцы «не всегда точны в указаниях относительно места происхождения иностранной продукции и нередко смешивают импорт с экспортом» [21, т. 2, с. 491]. Далее, можно сослаться на свидетельства Идриси, Марко Поло, Одорика, Мариньоли и Ибн Батуты. Так, по словам Идриси, Броч посещался китайскими купцами, а Марко Поло выделяет «великую страну Манзи», т. е. Китай, откуда приходит особенно много судов. Китайские хроники XIV и начала XV в. неоднократно упоми-

знают о торговле с портами западного побережья Индии: Килона, Канколана, Кохина, Каликута, Пандарани, Каннанора, Мангалора, Хонара. Постепенно в торговлю с Китаем начинает втягиваться и восточное побережье Индии. Однако торговые отношения того периода между Китаем и Южной Индией обрываются довольно неожиданно. Точно установить дату их прекращения невозможно. Но скорее всего она приходится на первое десятилетие XV столетия. Правда, по некоторым данным, китайцы продолжали вести торговлю на Малабарском побережье еще в XVI столетии. Однако на основании изучения исторических материалов большинство ученых пришли к выводу, что китайцы окончательно ушли из Малабара еще в XV в., в связи с тем что к тому времени для них твердо установилась практика привозить свои товары в Малакку и здесь обменивать их на товары западных азиатских стран. По словам В. Морленда, «китайцы и мусульмане одинаково находили, что торговля может производиться более удобно в центральном рыночном пункте, на Малакке» [23, с. 214]. Вот что сообщает минская династийная хроника о районе Синцунь (европейское название — Гриссэ) на Яве, куда, в частности, прибывали в больших количествах и китайские суда: «В этой стране есть место, именуемое Синцунь, известное своим богатством. Купеческие суда китайцев и варваров — все собираются именно здесь. Оно полно ценных товаров. Старшиной этого поселения является человек из Кантона, который в 1411 г. отправил посольство с письмом ко двору, предложив продукты этой страны в качестве дани» [18, с. 41].

Перемещение центра торговли между Китаем и Индией в район Южных морей знаменовало собой то, что в торговле Индии и Китая возрос удельный вес стран Южных морей, тесно связанных и с Китаем, и с Индией и широко воспринявших от своих могущественных соседей не только духовную, но и материальную культуру. В то же время и в самой Индии примерно к XVI в. центры китайско-индийской торговли смещаются. Выше было сказано, что важнейшим пунктом этой торговли на протяжении веков был Килон. Но теперь он полностью уступает свое место Рандиру близ Сурата, на крайнем севере Малабарского побережья.

С приходом португальцев значительная доля торговли Рандира перешла к Гоа и Сурату. По некоторым сообщениям начала XVII в., спрос на китайские товары в Индии был так велик, что цены на них были не ниже, чем в Англии. В тот период Китай имел весьма активный торговый баланс [11, с. 34—36].

Таким образом, к XV—XVI вв. приморские районы Китая и Индии (в Китае это район от низовьев р. Янцзы до Кантона, в Индии — южная оконечность Индостанского полуострова) были тесно связаны оживленными торговыми сношениями, в которых они широко опирались на дружественное им население

ние обширного островного мира, протянувшегося между Китаем и Индией, причем активная роль в торговле принадлежала именно этим островам.

¹ Публикуемые материалы представляют собой первую главу из готовившегося В. М. Штейном к изданию 2-го выпуска его большой работы «Экономические и культурные связи между Китаем и Индией». 1-й выпуск этой работы под названием «Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности (до III в. н. э.)» был опубликован в 1960 г. Глава печатается с небольшими сокращениями (Ред.).

² Термин «буддизированные государства», как известно, введен в оборот Кеде (см. [13]).

³ Ж. Жерне приводит выдержку из работы Лян Шэнъяна «Деньги и кредит в Китае», в которой сказано: «Самым ранним из известных кредитных учреждений был ломбард, который появился прежде всего в буддийских монастырях около V в.» [16, с. 172]. Жерне, правда, находит это суждение китайского автора чрезмерно категоричным.

⁴ Современные названия.

⁵ Так историки Индии называют период с 750 по 1000 г.

⁶ Теперь все большее признание приобретает гипотеза, согласно которой аборигенами этого района были саки — племя скифского происхождения.

⁷ Это обстоятельство сыграло свою роковую роль для обеих стран, когда начался период колониализма и европейские завоеватели вторглись в воды Индийского и Тихого океанов.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1961.
2. Александров Г. Ф. История социологических учений. Древний Восток. М., 1959.
3. Баларама мурти И. Краткая история народа Андхра. М., 1956.
4. Всемирная история. Т. 2. М., 1956.
5. Коирад Н. И. «Средние века» в исторической науке.— Из истории социально-политических идей. М., 1955.
6. Луния Б. Н. История индийской культуры. М., 1960.
7. Паниккар К. М. Очерк истории Индии. М., 1961.
8. По следам древних культур. Т. 3. От Волги до Тихого океана. М., 1955.
9. Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. М., 1954.
10. Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Изд. 2-е. М.—Л., 1958.
11. Bal Krishna M. A. Commercial Relations between India and England (1600 to 1757). L., 1924.
12. Chattopadhyaya S. Early History of North India from the Fall of the Mauryas to the Death of Harsa c. 200 b. c.=a. d. 600. Calcutta, 1958.
13. Coëdes G. Les états hindouisés d'Indochine et d'Indonésie. P., 1948.
14. Erkes E. Geschichte Chinas von den Anfängen bis zum Eindringen des ausländischen Kapitals. Berlin, 1956.
15. Erkes E. Gelber Fluss und Grosse Mauer. Leipzig, 1958.
16. Gernet J. Les aspects économiques du bouddhisme dans la société chinoise du V-e au X-e siècle. Saigon, 1956.
17. Graham A. C. Two Chinese Philosophers: Ch'eng Ming-tao and Ch'eng Yi-ch'uan. L., 1958.
18. Groeneveldt W. P. Notes on the Malay Archipelago and Malacca. Compiled from Chinese Sources by W. P. Groeneveldt. Batavia, 1876.
19. Groot J. J. M. de, Franke O. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. II Teil: Die Westlande Chinas in der vorchristlichen Zeit. Berlin und Leipzig, 1926.
20. Hirth F. and Rockhill W. Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in Twelfth and Thirteenth Centuries, Entitled Chu-fan-chi.

Translated from Chinese and annotated by F. Hirth and W. Rockhill. St. Petersburg, 1911.

21. The History and Culture of the Indian People. Vol. 2. The Age of Imperial Unity. Bombay, 1953; vol. 4. The Age of Imperial Kanauj. Bombay, 1955.
22. Ma Touan-Lin. Ethnographie des peuples étrangers à la Chine ouvrage composé au XIII siècle de notre ère par Ma Touan-Lin. Traduit pour la première fois du chinois avec un commentaire perpétuel par le marquis d'Hervey de Saint-Denys. Genève, 1883.
23. Moreland W. H. India at the Death of Akbar. An Economic Study. L., 1920.
24. Panikkar K. M. India and China. A Study of Cultural Relations. Bombay, 1947.
25. Phillips G. The Seaports of India and Ceylon, described by Chinese Voyagers of the Fifteenth Century, together with an Account of Chinese Navigation.—«Journal of the North China Branch of Royal Asiatic Society». New series, vol. 20. Shanghai, 1886.
26. Ruben W. Einführung in die Indienkunde. Ein Überblick über historische Entwicklung Indiens. Berlin, 1954.
27. Sarkar, Benoy Kumar. Chinese Religion through Hindu Eyes. A Study in the Tendencies of Asiatic Mentality. Shanghai, 1916.
28. Soper A. South Chinese Influence on the Buddhist Art of the Six Dynasties Period.—«Bulletin of the Museums of Far Eastern Antiquities». 1960, № 32.
29. Trevasakis H. K. The Land of the Five Rivers. L., 1928.
30. Tung Chi-ming. An Outline History of China. Peking, 1959.